

*Посвящаю эту книгу гостеприимным
и свободолюбивым скалам, уголку древней
земли нормандской, заселенному маленьким
и гордым приморским народом; суровому, но
радушному острову Гернси, моему нынеш-
нему убежищу и, быть может, моей буду-
щей могиле*

Религия, общество, природа — вот три силы, с которыми ведет борьбу человек. Он ведет борьбу со всеми тремя, но все три необходимы ему: человеку должно верить — отсюда храм; должно созидать — отсюда город; должно существовать — отсюда плуг и корабль. Решая тройную задачу, он вступает в тройной поединок. И это тройное свидетельство непостижимой сложности бытия. Перед человеком стоит препятствие, воплощенное в суеверие, воплощенное в предрассудок и воплощенное в стихию. Тройственное ананке¹ правит нами: ананке догматов, ананке законов, ананке слепой материи. В «Соборе Парижской Богоматери» автор возвестил о первом, в «Отверженных» указал на второе, в этой книге он говорит о третьем.

К трем предопределениям, тяготеющим над нами, присоединяется внутреннее предопределение, верховное ананке: сердце человеческое.

Отвиль-хаус, март 1866 г.

¹ Ананке (Ανάγκη) — рок, судьба (греч.) — Здесь и далее примеч. пер.

ЛА-МАНШСКИЙ АРХИПЕЛАГ

I. Стихийные бедствия прошлого

Атлантический океан подтачивает наши берега. Под натиском полярного течения меняется наше скалистое западное побережье. Гранитная стена на взморье — от Сен-Валери-на-Сомме до Ингувиля — подрыта; обрушиваются огромные глыбы, вода перекатывает горы валунов, заваливает камнями и затягивает песком наши гавани, заносит устья наших рек. Ежедневно отрывается и исчезает в волнах клочок нормандской земли. Титаническая работа, затихающая ныне, некогда внушала ужас. Лишь огромный волнорез — Финистер¹ — обуздывал море. По провалу между Шербуром и Брестом легко судить о мощи северного прилива, о неистовой силе, разрушавшей берег.

Залив в Ла-Манше образовался за счет земли французской, и произошло это в доисторические времена. Однако дата последнего набега океана на наше побережье известна. В 709 году, за шестьдесят лет до восшествия на престол Карла I, море одним ударом откололо от Франции Джерси. Кроме Джерси, видны и гористые берега земель, затопленных еще раньше. Вершины, выходящие из воды, — острова. Называются они Нормандским архипелагом.

¹ Финистер — выступающая часть Бретонского полуострова, которую омывают воды Ла-Манша с одной стороны и воды Атлантического океана — с другой.

6 Там расселился трудолюбивый человеческий муравейник. Вслед за работой моря, сотворившей пустыню, началась работа человека, сотворившая народ.

II. Гернси

Гранит на юге, песок на севере; здесь — крутизна, там — дюны; покатая равнина с волнистой грядой холмов, вздыбленные скалы; бахрома этого зеленого, собранного в складки покрывала, — морская пена; то тут, то там вдоль берега осыпавшийся вал с несколькими орудиями, башнями с бойницами, у самого моря — крепостная стена с амбразурами и лестницами, которую заносит песок и в которую бьет волна (теперь ей грозит только эта осада); мельницы, обезглавленные бурями; в Балле, в Вильо-Руа, в порту Сен-Пьер, близ Тортваля, крылья иных еще вертятся; в скалистых бухтах — якорные стоянки; в дюнах — стада; без усталости рыскают овчарки и сторожевые псы погонщиков скота; одноколки городских торговцев, подсакивая, мчатся по ухабистым дорогам. Нередко встретишь черные дома; на западном побережье их просмаливают, предохраняя от дождей; петухи, куры, навозные кучи; повсюду циклопические стены, стояли они прежде и в старинной гавани, их огромные гранитные глыбы, могучие столбы, тяжелые цепи изумляли взор; теперь, к сожалению, все это уничтожено; фермы в раме вековых деревьев; поля, обнесенные каменной оградой по пояс высотой, словно исчертили равнину сложным шахматным узором, лачуги, сложенные из гранита, — настоящие казематы; хижины эти устояли бы под градом ядер; кое-где в глуши новое зданье с колоколом на крыше — школа; два-три ручья в низинах; дубы и вязы; самой природой взлелеянная лилия Гернси — таких нигде больше не найти в весеннюю страду; плуги с восьмеркой лошадей; перед

домами объемистые стога на каменных тумбах, стоящих кольцом; заросли дикого терновника и рядом подстриженные тисовые деревца, фигурные кусты, вычурные вазы — сады в старинном французском стиле вперемежку с фруктовыми садами и с огородами; изысканные цветы за тыном крестьянской усадьбы; рододендроны среди картофельной ботвы; на траве сушатся побуревшие водоросли; кладбища без крестов; там в лунном свете каждый надгробный камень кажется призраком, Белой дамой; на горизонте десяток готических колоколен; старые церкви, новые догматы; протестантские обряды уживаются с католической, архитектурой; в песках и на мысах сумрачная кельтская загадка, воплощенная в различные формы: менгиры, пельваны, длинные камни, камни волшебные, камни качающиеся, звенящие камни, каменные галереи, кромлехи, дольмены; всевозможные памятники истории; после друидов — католические священники; после католических — протестантские; живы легенды о том, как на вершину, где стоит замок Архангела Михаила¹, низвергся Люцифер², как на другую вершину, на мысе Дикар — Икар; цветы цветут и летом и зимою.

Таков Гернси.

III. Гернси. Продолжение

Тучная, плодородная земля, полная соков. Лучших пастбищ не найти. Отменная пшеница, породистые коровы. Телки с выгонов Сен-Пьер-дю-Буа не уступают премированным овцам с Конфоланского

¹ Замок Архангела Михаила — старинное аббатство во Франции, на берегу Ла-Манша, построенное на вершине огромной гранитной скалы. О нем сложились многочисленные легенды и предания.

² Люцифер (букв. — светоносен) — в христианской мифологии Сатана, падший ангел, повелитель ада.

8 плоскогорья. Сельскохозяйственные общества Франции и Англии отмечают премиями продукты нив и пажитей Гернси. К услугам сельского хозяйства множество дорог; превосходная сеть путей сообщения наполняет жизнью весь остров. Дороги там отличные. У одного перекрестка лежит на земле плоский камень, на нем высится крест. Готье де ла Сальт, старейший бальи¹ Гернси, назначенный в 1284 году и открывший список бальи, был повешен за неправый суд.

На том месте, где бальи в последний раз преклонил колени, где в последний раз молился, и стоит этот крест, называемый «Крестом бальи».

В бухтах и заливах, у якорных стоянок море перстрит большими буями, похожими на размалеванные сахарные головы; они покачиваются на волнах, и в глазах рябит от красной и белой клеток, черных и желтых полос, от зеленых, синих, оранжевых крапинок, ромбов и разводов. Порой доносится однообразное пение матросов, тянущих судно бечевой.

Довольный вид не только у рыбаков: у садовников и земледельцев тоже. Почва, насыщенная прахом каменных пород, могуча; ил и водоросли сдобируют ее солями — вот причина невероятной плодородности: все растет на глазах; всюду магнолии, мирты, лавры, олеандры, голубые гортензии; фуксии цветут пышным цветом; аркадами встает трехлистная вербена, стеною высится герань; апельсиновые и лимонные деревья зеленеют под открытым небом; в теплицах созревает виноград, и он бесподобен; камелии словно деревья; в садах алоэ вышиною с дом. Нет на свете роскошней, нет сказочней той растительности, что заслоняет и украшает фасады прелестных вилл и коттеджей острова.

¹ Бальи — судейский чиновник, имевший также некоторые административные функции.

Но не все побережье Гернси пленяет взоры — в иных местах остров просто страшен. 9
Западная его сторона оголена шквалами. Там высокий прибой, там штормы, обмелевшие бухты, залатанные лодки, поля под паром, пустоши, лачуги, порой деревушка с шаткими и убогими домами, тощие стада, просоленная низкорослая трава — угрюмая картина безысходной нищеты.

Ли-У — пустынный остров, высящийся поодаль и доступный лишь во время отлива. Он зарос кустарником, изрыт норами. У кроликов острова Ли-У развито чувство времени.

Они выходят из своих тайников только в часы прилива. Они издеваются над человеком. Друг-океан защищает их. В таких великих братских союзах воплощена сама природа.

Если заняться раскопками наносной земли в Вазовской бухте, то там найдешь деревья. Под таинственной толщей песка погребен лес.

Рыбаки западной части Гернси, иссеченной ветрами, вышколены океаном, они искусные лодманьы. Море близ островов Ла-Манша необычно. Неподалеку Канкальская бухта — тот уголок земного шара, где бывает самый высокий прилив.

IV. Травы

Трава на Гернси — обыкновенная, только чуть побогаче, чем везде; пастбища здесь под стать лугам близ Ключа или Жеменоса. Вы тут найдете, как в любом другом месте, овсяницу и мятлик, но здесь больше костеря с веретеновидными колосками, канареечника, полевицы, из которой делается зеленая краска, желтого люпина, бухарника с ворсистым стеблем, благоухающего желтоцветника, дрожащих кукушкиных слезок, курослепа, диких злаков; здесь лисохвост — его колос похож на крошечную булаву,

10 куга — из ее стеблей плетут корзины, песочный овсец — он укрепляет зыбучие пески.

И все? Нет. Тут встретишь и песью траву — ее цветы свертываются клубочком, и дикое просо, а по словам некоторых здешних агрономов, и бородач. Скерды, листья которых похожи на листья одуванчиков, показывают время, а сибирская заячья капуста предвещает погоду. Трава как трава, но все же такой травы вы нигде не найдете, ибо это трава архипелага — ведь она растет на граните и поливают ее волны океана.

А теперь вообразите целый мир насекомых, и прелестных и уродливых, они ползают среди былинки и порхают над ними: в траве — длиннорогие и длинноусые жуки-долгоносики, муравьи, пасущие своих кормилиц — травяных тлей, кузнечики, букашка, что зовется божьей коровкой, и листоед, что зовется чертовой тварью; на траве и в воздухе — стрекозы, наездники, осы, бронзовики, бархатистые шмели, ажурнокрылые мухи, осы с красным брюшком, жужжащие шершни; вообразите все это, и получите представление о сказочном зрелище, которое созерцает на гребне горы близ Жербура или Фермен-Бей июньским полднем энтомолог, склонный к мечтательности, и склонный к естествознанию поэт.

И вдруг в нежно-зеленой мураве мелькнет перед вами квадратная плита, а на ней две выгравированные буквы: W. D., — что означает «War Department», то есть Военное ведомство. Так и должно быть. Цивилизации следует проявить себя. Иначе здесь была бы настоящая глушь. Отправьтесь на рейнские берега, отыщите подобный нетронутый уголок; вам почудится, что вы попали в храм: так торжественно-величав в иных местах пейзаж; невольно на ум приходит, что этот край особенно возлюбил Господь; углубитесь в горы, туда, где вы найдете приют уединения и где безмолвен лес, изберите хотя бы Андернах и его окрестности, посетите сумрачное, слов-

но застывшее Лаахское озеро, почти легендарное, — так мало о нем известно; нигде не найти столь царственного спокойствия, бытие Вселенной отражено здесь во всем своем священном бесстрастии; повсюду полная невозмутимость, нерушимый порядок великого беспорядка природы; вы идете, умиленный, среди этого безлюдья, оно полно неги, как вешняя пора, оно печально, как дни осени; ступайте наугад, не останавливайтесь у развалин монастыря, растворитесь в безмолвии оврагов, волнуящем душу, в пении птиц, шелесте листвы; пейте прямо из горсти родниковую воду, бродите, размышляйте, отдайтесь забвению; вот перед вами на краю селения, затерянного среди деревьев, хижина, уютный домик утопает в зелени, увит плющом и душистыми цветами, в нем звенят детские голоса, смех. Вы подходите ближе, а на древнем камне стены, застланной ярким рубищем светотени, под названием селения — Аидеербрейциг — читаете: «2-я рота 22-го запасного батальона».

Вы думали, что находитесь в деревушке, а попали в полк.

Таков уж человек.

V. Козни моря

Оверфол — читай «гиблое место» — явление обычное на западном берегу Гернси. Берег этот искусно изрезан волнами.

Говорят, ночью на вершине предательских утесов появляется сверхъестественное сияние, что подтверждают и бывалые мореходы: оно то предостерегает, то сбивает с пути. Смелые и легковверные моряки различают под водой легендарную голотурию — эту крапиву, растущую на дне морей и в преисподней: стоит до нее дотронуться, как руку опалит пламя. Такое местное название, как, например, Тентаже (от галльского «Тен-Тажель»), свидетельствует

12 о том, что тут дело не обходится без дьявола. Эсташ¹, он же Уэйс, намекает на него в старинных своих виршах:

Лукавый тут забушевал,
И за волной взметнулся вал.
Покрыла небо туча злая:
Ни тьме конца, ни морю края.

Ла-Манш так же непокорен ныне, как во времена Тьюдрига, Умбрафеля, Черного Амон-ду и рыцаря Эмира Лидо, укрывавшегося на острове Груа, близ Кемперле. В здешних краях море устраивает представления, которых следует остерегаться. Компас у нормандских островов выкидывает удивительные фокусы. Бывает, например, так: буря надвигается с юго-востока, потом наступает затишье, полное затишье; вы облегченно вздыхаете; порою так проходит час; вдруг — ураган, но не с юго-востока, а с севера, он налетал с кормы, теперь налетает с носа; буря идет в обратном направлении. Только опытный лоцман, морской волк, успеет переставить паруса в затишье, пока меняется ветер, а иначе не сдобровать: судно терпит крушение и тонет.

В бытность свою на Гернси Рибероль², окончивший жизнь в Бразилии, урывками записывал события дня. Вот листок из его дневника: «1 января. Новогодний гостинец: буря. Судно, прибывшее из Портрие, вчера пошло ко дну прямо против крепости. 2 января. Близ Рокена затонул трехмачтовый корабль. Шел из Америки. Семеро погибло. Двадцать одна душа спасена. 3 января. Почтовое судно не прибыло. 4 января.

¹ Эсташ (по прозвищу Монах) — известный в начале XIII в. пират, орудовавший в водах Ла-Манша.

² Рибероль Шарль — французский публицист, бежавший после переворота 1851 г. на Джерси и издававший там газету «Человек», в которой вел борьбу против Наполеона III с позиций либеральной буржуазии.

Буря продолжается... 14 января. Ливень. **13**
Во время обвала погиб человек. 15 января.
Непогода. «Тауну» не удалось отчалить. 22 января.
Внезапный шторм. На западном берегу пять несчастных случаев. 24 января. Буря не унимается. Отовсюду вести о кораблекрушениях».

В этих краях океан почти никогда не утихает. Вот почему тревожный голос поэта древности Ли-Уар-Эна, этого Иеремии морей, доносит до нас через века вопли чаек и неумолчный грохот шторма.

Но не буря всего страшнее для судов в водах архипелага; шторм неистовствует, и его неистовство предостерегает. Судно сейчас же возвращается в порт или ложится в дрейф, моряки спешат убрать верхние паруса; если ветер крепчает, все паруса берут на гитовы, и из беды можно выпутаться. Величайшие опасности в этих водах — опасности невидимые, постоянно подстерегающие, и они тем неотвратимей, чем лучше погода.

При встрече с ними прибегают к особому маневру. Моряки западного Гернси отлично выполняют этот маневр, который можно было бы назвать предотвращающим. Им ведомы, как никому, три опасности, которые грозят им в часы затишья: западня, плешина и водокруть. Западня — это подводное течение, плешина — мель, водокруть — водоворот, ямина, воронка из подводных скал, колодец на дне морском.

VI. Скалы

Побережье Ла-Маншского архипелага почти пустынно. Острова живописны, но трудно и страшно к ним подступиться.

В Ла-Манше — он сродни Средиземному морю — волна резка и неистова, бурлив прибой. Оттого-то затейливо выдолблены скалы на взморье и глубоко подмыт берег.

14 Плынешь вдоль острова, и чередой встают перед тобою обманчивые видения. Скала то и дело старается тебя одурачить. Где гнездятся химеры? В самом граните. Невиданное зрелище. Огромные каменные жабы вылезли из воды, конечно, чтобы глотнуть воздуха; у горизонта куда-то торопятся, склонив головы, исполинские монахины, и застывшие складки их покрывал легли по ветру; короли в каменных коронах, восседая на массивных престолах, обдаваемых морской пеной, предаются размышлениям; какие-то существа, вросшие в скалу, простирают руки, виднеются их вытянутые пальцы. И все это лишь бесформенные береговые скалы. Приближаешься. Пред тобой нет ничего. Камню свойственны такие превращения. Вот крепость, вот развалины храма, вот скопище лачуг и обветшалых стен — настоящие руины вымершего города. Но ни города, ни храма, ни крепости и в помине нет: это утесы. Подплываешь или удаляешься, идешь по течению или огибаешь берег — скалы меняют облик: даже в калейдоскопе так быстро не рассыпается узор; одни образы рассеиваются, другие возникают; перспектива подшучивает над нами. Вон та глыба — треножник; да нет же, это лев; нет, ангел, и вот он взмахнул крылами, а теперь это человек, читающий книгу. Ничто так не изменчиво, как облака, но еще изменчивее очертания скал.

Они поражают величием, но не красотой. Порой в них есть даже что-то болезненное и отталкивающее. Скалы покрыты наростами, опухолями, нарывами, синяками, шишками, бородавками. Горы — горбы на земном шаре. Г-жа де Сталь,¹ услышав, как Шатобриан², который был сутуловат, бранил Альпы,

¹ Сталь Луиза Жермена де (1766—1817) — французская писательница, родоначальница французских романтиков.

² Шатобриан Франсуа Рене де, виконт (1768—1848) — французский писатель, романист, идеолог Реставрации.

сказала: «В нем говорит зависть горбуна». **15**

Величественные линии, величественное спокойствие природы, морская гладь, силуэты гор, мрак лесов, небесная лазурь — все сочетается с каким-то неудержимым распадом, неотделимым от гармонии. Красоте даны одни линии, уродству — другие. У иных бывает улыбка, у иных — оскал. Непрерывно изменяются скалы и облака. Форма облака, плывущего по небу, расплывчата; форма скалы, стоящей неподвижно, непостоянна. Ужас первобытного хаоса оставил след на Вселенной. Рубцами покрыты великолепные творения. Безобразное иногда ошеломляет, примешиваясь к прекрасному и как бы восставая против порядка вещей. Подчас облако искажается гримасой. Подчас небо паясничает. В ломаных линиях волны, листвы, скал чудятся карикатурные образы. Там царит уродство. Нигде не найти правильного абриса. Во всем — величие, но нет чистоты рисунка.

Вглядитесь в облака: какие только фигуры там не возникают, с чем только не находишь в них сходства, какие только лица не мерещатся. Но поищите греческий профиль. Калибана¹ вы найдете, а Венеру — никогда; Парфенон² вы не увидите, зато порою, в вечерний час, громадная туча, плитой опустившаяся на облачные столбы и окруженная глыбами тумана, темнеет на бледном, сумеречном небе гигантским чудовищным кромлехом.

VII. И побережье и океан

На Гернси хутора монументальны. Иной раз у самой дороги, будто декорация, встает стена, а в ней пробиты ворота и калитка. Время выдолбило в кося-

¹ Калибан — персонаж пьесы У. Шекспира «Буря» (1612), безобразное человекоподобное чудовище.

² Парфенон — храм Афины Парфенос на Акрополе в Афинах; памятник древнегреческой высокой классики.